

ТЕАТР

КОРОТКАЯ
ЖИЗНЬ СПЕКТАКЛЯ

На протяжении ряда последних лет Амурский областной театр идет по плодотворному пути, стремясь осваивать метод лучшего театра страны — МХАТ, систему К. С. Станиславского. Именно это позволило театру создать ряд значительных спектаклей. Эти спектакли подолгу не сходят со сцены. Так, с успехом в течение нескольких лет идет пьеса А. Корнейчука «Ильинская роща», выдержали испытание временем спектакли «Незабываемый 1919-й», «Два капитана», «Девушки-красавицы» и другие.

Однако, надо сказать, что наряду с хорошими, у театра появляются спектакли и серые, невыразительные. Такая работа «рывками» стала входить в систему. Именно поэтому не были приняты зрителем и быстро сошли со сцены такие постановки, как «Голос Америки», «Раки», «Сергей Лазо».

Театру не раз указывалось на это, в частности, в прошлом сезоне. Нужно было ожидать, что нынче он, наконец, преодолеет столь серьезный недостаток, тем более, что творческий коллектив выполнял в текущем году новыми квалифицированными актерами. К сожалению, этого не случилось. Показав зрителям в начале сезона два интересных спектакля — «Пучина» и «Дорогой бессмертия», театр выпустил под ряд спектакли «Опасный спутник» (режиссер Н. И. Уралов) и «Дворянское гнездо» (режиссер В. П. Маринин), которые по своему качеству стоят намного ниже творческих возможностей коллектива.

«Опасный спутник» Афанасия Салынского — одна из лучших пьес советского репертуара последних лет. Она страстно разоблачает карьеризм, приспособленчество, демагогию.

Советские инженеры на одной из шахт Урала ведут опыты над тем, чтобы навсегда избавить шахтеров от опасного спутника — газа метана. Опыты эти связаны с риском для жизни. Вот почему руководитель научно-исследовательской станции инженер Селихов тщательно готовится к решающему испытанию. Резко нападает на Селихова инженер Корчемный, упрекая его в чрезмерной медлительности, в перестраховке. И

вот, наконец, для проведения испытания они спускаются в шахту. В наиболее напряженный момент Корчемный трусил, оставил свой пост, что послужило причиной взрыва и гибели Селихова.

Каким же предстает перед зрителем образ Корчемного в исполнении артиста И. Юдина?

Этот карьерист равнодушен к благородному делу освобождения шахтеров от опасности. Он стремится ускорить срок проведения испытания только для того, чтобы быстрее написать диссертацию и занять солидное место в научно-исследовательском институте. А там — положение, слава, деньги. Это заставляет Корчемного быть энергичным, страстным в споре с Селиховым, тем более, что Корчемный не должен был спускаться в шахту, а, следовательно, ничем не рисковал. Героям пьесы и зрителю, которые не знают еще двойной природы Корчемного, он кажется смелым новатором, борцом с рутинной.

Такова сложная сценическая задача, которая стояла перед актером в первых картинах спектакля, и которая осталась совершенно невыполненной. Никакой яркости, никакой страстности в поведении Корчемного-Юдина нет. Зритель видит завитого «стилягу», двигающегося по сцене медленной, расслабленной походкой, и не понимает, чем вызывает он интерес и восхищение невесты Селихова — Дины, почему в ней зарождается любовь к нему. Так оказывается нарушенной экспозиция спектакля.

Действие разворачивается дальше. На испытание, связанное с риском для жизни, должен пойти не только Селихов, но и Корчемный, который не ожидал этого. Тогда он симулирует простуду, полученную якобы на рыбной ловле. Дина случайно разоблачает этот обман.

По пьесе Корчемный мгновенно ориентируется в обстановке, непринужденно и внешне убедительно обращает неудавшийся обман в шутку.

А как ведет себя в этой сцене И. Юдин в образе Корчемного? Он растерян, у него дрожат губы, он напряженно ищет выхода из создавшегося положения. Наконец, следует вымученная шутка. Дина облегченно вздыхает.

Но зритель не разделяет ее чувств. Ему уже стало ясно, что Корчемный — трус и негодяй. Так снова нарушается сценическая задача.

По пьесе Корчемный в дальнейшем будет еще долго искусно изворачиваться и хитрить, напрягая все свои силы, чтобы избежать разоблачения. Не скоро поймут такого ловкого и опасного приспособленца, разгадают его истинное лицо Селихов, Дина, Лень и другие. Это по пьесе. А в спектакле Юдин-Корчемный окончательно разоблачает себя в третьей картине. После этого Корчемный предстает перед зрителем уже в роли стандартного «злодея», ничего общего не имеющего с психологически сложным образом пьесы.

Теперь уже каждое слово Юдина-Корчемного режет слух очевидной фальшью. И становится попросту обидно за других персонажей, которые, следуя пьесе, упорно стараются не замечать того, что зрителю стало совершенно очевидным. Волей-неволей эти герои предстают в спектакле оглушенными.

Таким образом, неглубокая, неверная режиссерская и актерская трактовка образа Корчемного в основном определила неудачу спектакля. Определила потому, что оказались нарушенными жизненно-правдивые взаимоотношения героев в главном конфликте. Актеры, вступающие по пьесе во взаимоотношения с Корчемным, даже при условии правильной трактовки своих образов, уже не имеют возможности полно раскрыть эти образы, так как теряется внутренняя связь с партнером.

К тому же исполнение ролей двух других главных действующих лиц пьесы — Селихова и Дины — отнюдь не является творческой удачей молодых актеров В. Ростовцева и В. Масловой.

В. Ростовцев раскрывает образ Селихова слишком прямолинейно, не проникая глубоко в духовный мир своего героя, не находя для его обрисовки ярких запоминающихся красок, как это удалось сделать актеру, например, в роли Сали Григорьева («Два капитана») или Син Бин-у («Бронепоезд 14-69»).

Образ Селихова в спектакле резко распадается на две части. До середины третьей картины В. Ростовцев, пытаясь показать внешнюю неяркость Селихова, нарочито подчеркивает в своем герое черты добродушного увальня, забывая о важных особенностях характера Селихова — уме, упорстве, сильной воле, душевной чуткости. Невозможно представить себе, что такой Селихов спосо-

бен глубоко любить Дину.

С середины третьей картины, решая уже другую сценическую задачу, актер изображает собранного целеустремленного, яркого Селихова. Теперь перед нами совершенно другой человек, другая личность. Следовательно, В. Ростовцев сделал только первые шаги в работе над ролью, не вжился в образ, не прочувствовал сквозного действия в развитии этого образа.

Не справилась со своей задачей и актриса В. Маслова. Она не передала глубины, сложности, цельности характера Дины.

Нельзя не сказать об образах геолога Копышкова (артист М. Третьяков), Аси (артистка П. Юдина) и Матвейкина (артист А. Мохин). В пьесе взаимоотношения этих молодых героев обрисованы с теплотой, лиризмом и помогают ярче представить коллектив простых советских людей, противостоящих Корчемному.

В спектакле эта задача принесла в жертву грубому комикованию, которое превращается порой в буффонаду. Особенно нетерпимым выглядит это в четвертой картине, когда герои спектакля, а вместе с ними и зрители, с тревогой и болью ждут известий о здоровье смертельно раненого Селихова.

Неглубокая, порой слишком прямолинейная, порой неверная трактовка основных действующих лиц и их взаимоотношений, значительно снизив идейное звучание пьесы, привела к тому, что спектакль ухудшается от представления к представлению. Вот почему, пройдя в областном центре около 15 раз, «Опасный спутник» уже почти сошел со сцены.

В театре выражаются так:

— «Опасный спутник» мы уже отыграли, пора его снимать с репертуара.

А жаль. Эта пьеса, получившая широкое и заслуженное признание, могла бы занять прочное место в репертуаре театра.

В последнее время театр выпустил еще два спектакля: «Шельменко-денщик» и «Таня». Постановки тепло приняты зрителем. Это еще раз говорит о том, что театр способен создавать полноценные спектакли. Зрители имеют все основания требовать от коллектива театра, чтобы все его работы приносили глубокое удовлетворение и годами оставались в репертуаре, улучшаясь от спектакля к спектаклю.

А. РИВЛИН,
М. ГОФМАН.